

статье «Обычаи и обряды, связанные со смертью и похоронами у таджиков Кулябской области» («Известия», № 3, стр. 107—130).

М. Р. Рахимов интересовался также и народными знаниями; этому уделено внимание в его статьях «Меры сыпучих тел у таджиков бассейна реки Хингов» (Труды, т. XVII, стр. 197—203), «Меры длины и поверхности у таджиков бассейна р. Хингоу в XIX — начале XX в.» («Известия», № 8, стр. 11—17), а также в его отчете («Известия», № 10—11), где содержится материал по народному календарю.

Этнографы Таджикистана не стоят в стороне от ведущейся в республике лингвистической и фольклористической работы. В. А. Лившиц и А. К. Писарчик издали ягнобские тексты, собранные в 1920-х гг. М. С. Андреевым и Е. М. Пещеровой, снабдив тексты ягнобско-русским словарем⁷.

Обзор трудов сектора этнографии Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР показывает, что работа сектора получила значительный размах и что научные проблемы, интересующие таджикских этнографов, весьма разнообразны. Однако многие из перечисленных здесь работ явились лишь предварительными публикациями материалов подготовляемых капитальных трудов. Это обширные монографии по этнографии районов, входивших в бывшие Гармскую и Кулябскую области, том II монографии «Таджики долины Хуф» М. С. Андреева, работы М. Р. Рахимова и Н. Н. Ершова по земледелию горных и равнинных таджиков и ряд других крупных работ. Есть все основания надеяться, что коллективом этнографов Таджикистана в ближайшие годы будут достигнуты новые крупные успехи.

Н. А. Кисляков

Ю. С. Рытхэу, *Чукотская сага*, Магадан, 1956, 372 стр.

Книга «Чукотская сага», изданная в Магадане в 1956 г., написана первым чукотским писателем Юрием Сергеевичем Рытхэу. Здесь собрана большая часть рассказов, печатавшихся в различных журналах. Эти рассказы были переведены на многие языки и создали их автору известность; некоторые из них были объединены в небольшие сборники¹.

Но данная книга — не просто сборник рассказов, это большая повесть о современной жизни чукотского народа. По существу, во всех пятнадцати рассказах раскрывается жизнь одного чукотского приморского колхоза «Утро» («Эргырон»); во всех рассказах действуют одни и те же лица. Это колоритные, ярко запечатлевшиеся в памяти фигуры стариков-чукчей Мэмыля, Атыка, Гэмалькота, Гэмаугэ, старушки Рульгыне, их детей: прославленного охотника Унпэна, студентов Тэргыне и Тылыка, директора школы Эйнеса, заведующей библиотекой Аймыне, а также русских людей: заведующего учебной частью местной школы Всеволода Ильича Вербина, школьного сторожа Кабицкого. В каждом рассказе по-новому, в различных ситуациях, раскрываются взаимоотношения этих персонажей, их характеры, достоинства и недостатки.

Главная тема почти всех рассказов книги — современная жизнь чукчей, конкретнее — приморских чукчей; автор, хорошо знающий эту жизнь, раскрывает в книге, как преобразуется быт и культура этого народа. Наиболее показательны изменения в культурном облике чукчей: переписью 1926 г. были зарегистрированы лишь отдельные грамотные (вернее, малограмотные) чукчи, ныне же не только молодежь, но и люди среднего возраста читают Тургенева, Некрасова, Гоголя, Фадеева, Горького на русском и чукотском языках. Дети колхозников-чукчей едут учиться в большие города, где дружно живут с русскими товарищами, посещают музеи, слушают лекции, становятся образованными людьми. Все это ярко показано в рассказах «Песня о двух ветрах», «Тэргыне летит в Хабаровск», «Соседи на десят суток». Ярким примером может быть жизнь самого Ю. С. Рытхэу — он был студентом Ленинградского университета, хорошо знает жизнь студентов, приехавших с крайнего Севера, их стремления, их интересы. Вообще рассказы Рытхэу характерны как раз тем, что он ничего не преувеличивает, описывая современную жизнь чукчей, и все, что он рисует, взято им с натуры.

Чукчи, получившие образование, много делают для подъема культуры своего народа: так, учитель Эйнес работает директором школы, сын колхозника Атыка — Тылык участвует в составлении чукотских учебников и словарей. С большой теплотой автор описывает девушку Тэргыне, увлекшуюся ботаникой, с отличием окончившую среднюю школу в Анадыре и поступившую учиться в Хабаровский педагогический институт. Расширился кругозор не только учащейся молодежи. Чукчи в своих поселках смотрят кинокартины, читают, интересуются международным положением, работают киномеханиками, мотористами, библиотекарями; передовые оленеводы ездят в большие города на совещания, экскурсии и конференции. Почти во все рассказы автор вводит чрезвычайно колоритную фигуру старика Мэмыля — умного, опытного, любознательного, жадно схватывающего все новое, что входит в чукотскую жизнь, но при всем этом — неграмотного; он знает очень много, знает даже литературу от своей дочери-школь-

⁷ М. С. Андреев и Е. М. Пещерова, Ягнобские тексты с приложением ягнобско-русского словаря, составленного М. С. Андреевым, В. А. Лившицем и А. К. Писарчиком, М. — Л., 1957.

¹ «Люди нашего берега», М., 1953; «Друзья-товарищи», М. — Л., 1953.

ницы; это — передовой человек, более передовой, чем некоторые молодые колхозники. Очень ярко выписана в рассказах фигура бригадира охотников Унпэнэра.

Все эти образы характеризуют новую культуру, новых людей, которых не было и не могло быть прежде, до Великой Октябрьской социалистической революции.

Гораздо медленнее меняется материальный быт чукчей. Новое появляется и здесь, однако с большим трудом преодолеваются чукчами укоренившиеся привычки и традиции.

В селении много деревянных светлых жилых домов с электрическим освещением, имеется семилетняя школа, клуб, магазин, детский сад, сельсовет, но рядом с новыми строениями стоят яранги. Правда, меняются даже они, хотя и медленно.

Автор показывает, каким большим событием в жизни чукчей становится, например, появление в яранге окна: это — целая революция в быту чукчей. Появляются в ярангах и такие, совершенно неизвестные прежде, предметы, как столы, стулья. Не все чукчи охотно покидают свои старые жилища — к новым домам им трудно привыкать, особенно старикам: в большом и светлом доме им кажется холодно, женщины устают стоять у плиты. Даже переселившись в дом, старики считают более удобным спать и сидеть на полу, хотя в доме есть кровати, стулья, табуретки.

С большой легкостью чукчи перенимают новую покупную одежду; некоторые, особенно молодежь, охотно покупают в местных магазинах костюмы, платья, шляпы. Однако автор неоднократно упоминает об одежде старой, национальной, которую шьют из оленьих и нерпичьих шкур. Такую одежду и обувь, хорошо приспособленную к местным климатическим условиям, носят и русские, приезжающие на Чукотку. Сочетание старого и нового в культуре, быте, производстве характерно для современного этапа переустройства жизни чукчей. В морском зверобойном промысле употребляют новейшее нарезное оружие, моторные вельботы, катеры, но нерп ловят подо льдом ремennыми сетями, моржей бьют на лежбищах копытами, еще применяются гарпуны старых типов.

Изменились и принципы организации труда. Бригады возглавляют лучшие, уважаемые охотники, известные своим опытом, смелостью и находчивостью. Все это хорошо показано в «Чукотской саге»; этнографические детали, которыми насыщены рассказы, представляют большой интерес.

При перестройке быта народа возникает еще много сложных вопросов. Ю. С. Рыхзу обращает внимание, например, на такую проблему, как типы новых жилищ и их отопление: дома, привозимые в Чукотский национальный округ, по своему типу не отличаются от тех, какие строят в центральных районах Союза, хотя климат на Чукотке несравненно более суров. Привозные дома нужно отапливать привозным дорогим топливом, так как на местах топлива для печей нет (яранги отапливаются жиром морского зверя). Автор говорит о необходимости учета архитекторами, проектирующими жилище для Чукотки, специфики местных условий и многовекового народного опыта.

Однако приходится признать, что в своих рассказах автор слишком мало критикует недостатки, еще имеющие место в культурном строительстве, в жизни приморских и оленеводческих колхозов, в организации труда, в снабжении колхозников, особенно оленеводов, в жилищном строительстве. Чукотский писатель Ю. С. Рыхзу, думается, должен был бы отмечать не только положительное в жизни своего народа, но вскрывать трудности, имеющиеся в строительстве новой жизни, с целью быстрой их ликвидации, указывать на возможные, наиболее правильные пути социалистического переустройства.

Многие авторы, бывавшие на Чукотке, отмечали необычайную выносливость чукчей в суровых климатических условиях, их умение прекрасно ориентироваться в любой местности. Ю. С. Рыхзу описывает (рассказ «Имя человека»), как сурово, даже «беспощадно», воспитывал старик Гэмальот своего сына Унпэнэра, закалявая его организм, приучая к наблюдательности, подготавливая к практической деятельности. Такое воспитание давало необходимые результаты: подростки уже были хорошими охотниками, опытными оленеводами. В связи с этим автору следовало бы коснуться важного для Чукотки вопроса, возникшего за последние годы: в оленеводческих колхозах не хватает оленеводов. Дети с 7—8-летнего возраста покидают тундру, воспитываются в интернатах, учатся в школах; они познают многое за время пребывания в школе, приобщаются к советской культуре, но подготовкой детей народов Севера к специфическим трудностям их дальнейшей трудовой жизни школьные руководители и воспитатели зачастую не занимаются; дети народов Севера не знают тундры, не умеют ориентироваться в ней, не знают они ни оленеводства, ни рыболовства, ни охоты.

Работники народного просвещения обязаны учитывать специфику хозяйства на Севере; в программах северных школ необходимо учесть народный опыт подготовки оленеводов и охотников, разумеется беря из него наиболее ценное.

Важнейшей темой, проходящей через все рассказы Ю. С. Рыхзу, является тема дружбы чукчей с русскими. Все изменения в жизни чукчей связаны с деятельностью русских — местных работников (учителей, врачей, партийных и хозяйственных работников), ученых, создающих для чукчей письменность, обучающих в институтах молодежь.

Один из героев рассказов Ю. С. Рыхзу — Всеволод Ильич Вербин создал в чукотском поселке первую школу. Им обучены грамоте все дети и жители среднего возраста в данном селении; ныне он работает заведующим учебной частью, а его бывший ученик Эйнес — директором школы. Всеволод Ильич дружит со многими стариками-чукчами, он — близкий друг, свой человек для всех жителей поселка.

Для всех русских, работающих на местах рядом с чукчами, характерно дружественное, доброжелательное отношение к чукчам, искренняя товарищеская поддержка. Автор показывает это на ряде примеров. В рассказе «Товарищи» механик с маяка целую ночь помогает мотористу-чукче исправить мотор; в рассказе «Люди с того берега» говорится о младшем сержанте Сергееве, который с большим уважением относится к старикам-чукчам, дружит с молодыми, ходит с ними на охоту. В рассказе «Тэгры-нэ летит в Хабаровск» говорится об ученом — собирателе фольклора, который останавливается в яранге чукчи Мэмыля, дарит ему бинокль и книгу. Русская девушка Раиса с полярной станции дружит с чукчанкой (рассказ «Окошко»), русская учительница, выпускница Московского университета, выходит замуж за директора школы Эйнеса («Пять писем Вали Крамаренковой»). На поиски охотника-чукчи, унесенного на оторвавшейся от берега льдине, вылетает самолет; пароход отклоняется от курса, и организуются поиски («Судьба человека»).

Как далеко все это от иной картины, картины прошлого, занимающей в «Чукотской саге» сравнительно небольшое место (рассказы «На шхуне», «Мэри Сайм», «Новогодняя ночь», «Люди с того берега»). Американские торговцы приезжали на Чукотские побережья, чтобы грабить охотников; они не считали их за людей, спаивали, обирали, в чем им помогали местные богачи и шаманы. Голод и болезни часто выкашивали целые чукотские селения. Чукчи были бесправны, беззащитны, забыты и темны. Все это безвозвратно ушло в прошлое. Советская власть, ленинская национальная политика, простые русские люди сделали очень многое, чтобы поднять экономику, культуру, изменить быт чукчей. О неизмеримом росте культуры свидетельствует очень многое и, в первую очередь, сам факт появления чукотских писателей — Ю. С. Рыхтэу, В. Кеулькут.

Громадная работа, проведенная по социалистической перестройке жизни чукотского народа, еще далеко не завершена. Это очень трудная работа, в ней еще встречается много недостатков, так как по существу все делается заново, и в каждом отдельном случае приходится искать новые пути. Но, несмотря на трудности и недостатки, имеются очень большие достижения; о них и рассказывает книга первого чукотского писателя Ю. С. Рыхтэу.

А. В. Смоляк

«Африканский этнографический сборник», I. Труды Института этнографии АН СССР, новая серия, т. XXXIV, М., 1956, 285 стр.

На протяжении длительного времени изучение Африки было одним из наиболее отстающих разделов наших общественных наук, в частности истории и этнографии. Это положение стало особенно нетерпимым в послевоенный период, когда вслед за Азией началось пробуждение «черного материка» и когда в связи с этим необычайно возрос интерес советских людей к историческому прошлому и современной жизни народов Африки.

Было бы преувеличением сказать, что уже наступил коренной перелом в развитии советской африканистики. Однако за последние годы число научных исследований в этой области значительно возросло. Можно назвать коллективные труды «Империалистическая борьба за Африку и освободительное движение народов», «Народы Африки», работы Л. Н. Ватоллиной, Х. И. Кильберг, Д. А. Ольдерогге, И. И. Потехина, Г. Е. Скорова, С. Р. Смирнова, И. П. Ястребовой и др. Недавно библиотека трудов советских африканистов пополнилась еще одной книгой: 1-м выпуском «Африканского этнографического сборника», в котором опубликована новая работа С. Р. Смирнова «Образование и пути развития северосуданской народности» и три работы молодых ученых: В. Н. Вологдиной («Народ эве»), Р. Н. Исмагиловой («Народы Кении в условиях колониального режима»), М. В. Райт («Русские экспедиции в Эфиопии в середине XIX — начале XX в. и их этнографические материалы»).

Но дело не только в том, что пополнился перечень исследований советских африканистов. Гораздо важнее, что новый их труд по-настоящему злободневен, что он откликается на важные события в жизни народов Африки, волнующие не только самих африканцев, но и прогрессивную общественность всего мира.

Это прежде всего относится к работе Р. Н. Исмагиловой. У всех в памяти недавние события в Кении: мужественная борьба ее народов против британских колонизаторов, борьба отнюдь не закончившаяся, ибо не сокрушено еще тяжелое ярмо империалистов в этой стране. Нынешнее положение в Кении — один из наиболее ярких примеров того, как невыносима жизнь народа в условиях колониального рабства. И права Р. Н. Исмагилова, закончив свою работу исполненными ненависти к колониализму и уверенности в его неизбежной гибели словами видного деятеля национально-освободительного движения в Кении М. Коинанге: «...Африканцы Кении никогда, никогда не возвратятся к прошлой жизни. Они связали свою судьбу со всем современным миром... Их свобода — это свобода всего мира».

Работа Р. Н. Исмагиловой отличается тщательностью научной аргументации и политической заостренностью. Автор разоблачает измышления колониалистов и обслуживающих их реакционных буржуазных ученых и публицистов, имеющие целью обосновать необходимость сохранения империалистического господства в Кении. Интересно в этом плане опровержение тезиса, будто нынешняя Кения является «страной белого человека», а ее народы — морем разнородных племен, не способных к самостоятельно-